

АСТРА ГРЕЙ

БУМАЖНЫЙ
СЛЕД.

ТЕНИ БЛЭКФРАЙАРС.

Астра Грей

Бумажный след. Тени

Блэкфрайарс

<https://litres.ru/74516238>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ноябрь 1888 года. В древних катакомбах монастыря Блэкфрайарс путевые обходчики находят каменный алтарь. На нем бронзовыми гвоздями распят хранитель Британского музея. На груди выжжено клеймо ворона с циркулем, а во рту запечатан пергамент со зловещей латинской фразой: «Vespere revertentur» — «К вечеру они возвращаются...».

За ритуальной казнью встает тень Черного ордена — тайного братства высших сановников империи. Их цель — сокрушить монархию, пустив ядовитый газ под своды собора Святого Павла и обрушив тонны динамита под Банк Англии.

Эксперт по документам Саймон Грейсон и инспектор Джон Маккалин спускаются в сырые подземелья реки Флит. Но в схватке с древним культом одного дедуктивного метода мало — в ход пойдут обнаженная сталь и свинец.

Содержание

ТЕНИ БЛЭКФРАЙАРС	4
ГЛАВА 1. ЗОВ КАТАКОМБ	5
ГЛАВА 2. ШЕПОТ ПОД МОСТОВОЙ	11
ГЛАВА 3. ШИФР ИЛЛЮМИНАТОВ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Астра Грей Бумажный след.Тени Блэкфрайарс

ТЕНИ БЛЭКФРАЙАРС

(Из архива Саймона Грейсона)

«Vespere revertentur, et famem patientur ut canes, et circuibunt civitatem: ipsi dispergentur ad manducandum; si vero non fuerint saturati, et murmurabunt».

«Пусть возвращаются вечером, воют, как псы, и ходят вокруг города; пусть бродят, чтобы найти пищу, и не насытившись, проводят ночи».

— Книга Псалмов (Пс. 58:15–16)

ГЛАВА 1. ЗОВ КАТАКОМБ

Лондонская ночь задыхалась от холодной ноябрьской сырости. Дождь то затихал, превращаясь в липкую взвесь, то вновь принимался хлестать по мутным оконным стеклам лаборатории на Флит-стрит.

В комнате Саймона Грейсона царил тот особый химический полумрак, при котором тени от реторт и штативов на стенах кажутся причудливыми фигурами средневековых алхимиков. На рабочем столе мерно гудела спиртовая горелка. Саймон, закатав рукава полотняной сорочки и надев толстый кожаный фартук, наблюдал, как в круглодонной колбе испаряется мутная бурая взвесь.

На дне фарфорового тигля оставался сухой остаток — микроскопические частицы того самого черного сургуча, снятого с письма баронета Кроули.

— Смола даммара, канифоль, костяная чернь, — негромко диктовал Саймон вслух, делая пометку тонко очиненным карандашом в лабораторном журнале. — Но связующее вещество... удивительно.

Он поднял пинцетом крошечную белесую крупцу, остав-

шуюся после промывки спиртом, и поднес ее к огню. По комнате вновь поплыл тот самый сладковато-тяжелый, дурманящий запах, в котором безошибочно угадывались ноты восточного ладана, сандала и сушеного корня мандрагоры.

— Обрядовый воск, — прошептал Грейсон. — Таким составом на Востоке запечатывали саркофаги и хранилища тайных сект, чтобы уберечь свитки от тлена. Но зачем запечатывать им обычную коммерческую директиву в центре Лондона?

Снизу, от входной двери, донесся резкий, требовательный звон колокольчика, сменившийся тяжелыми ударами кованого молотка по дубовой филенке.

Саймон даже не вздрогнул. Лишь скользнул взглядом по циферблату напольных часов: три часа и пятнадцать минут пополудни. В такой час на пороге его дома мог появиться лишь один человек.

Через минуту на лестнице слышались торопливые, тяжелые шаги. Дверь лаборатории распахнулась настежь, впус­тив клуб уличного холода и мокрого тумана.

На пороге стоял Джон Маккалин.

Лицо шотландца было серым от усталости, но в широко раскрытых глазах горело то мрачное, лихорадочное возбуждение, которое появлялось у него лишь перед лицом самых страшных загадок города. Его форменное пальто промокло насквозь, а на сапогах до самых щиколоток налипла густая черная речная грязь, вперемешку с белесыми разводами извести.

— Одевайся, Саймон, — бросил Маккалин хриплым, сорванным голосом, не утруждая себя приветствиями. — Бросай свои пробирки. Кеб внизу, лошади в мыле.

Саймон погасил горелку медным колпачком и спокойно повернулся к другу:

— Судя по запаху ила и известковой крошки на ваших рантах, Джон, вы только что поднялись из тоннелей старого дренажа Блэкфрайарс. Неужели тамошние крысы перегрызли силовой кабель телеграфа?

— Если бы крысы! — Маккалин сдернул мокрый котелок и швырнул его на кресло. — Полтора часа назад путевые обходчики подземной железной дороги на перегоне между Темпл и Блэкфрайарс наткнулись на провал в кирпичной кладке старого монастырского свода. Заглянули туда с фонарем в поисках бродяг.

Инспектор перевел дыхание и подошел ближе к столу, понизив голос до полусшепота:

— Там алтарь, Саймон. Грубо отесанная каменная плита тринадцатого века. А на ней... человек. В черном шелковом балахоне, приколотый к камню бронзовыми коваными гвоздями сквозь ладони.

Грейсон замер. Его взгляд стал острым, как скальпель:
— Мертв?

— Еще теплый, когда его нашли. Но это не обычная поножовщина лодочников. На его груди... — Маккалин судорожно сглотнул. — Ему выжгли клеймо прямо сквозь ткань. Раскаленным металлом. Ворон, держащий в когтях циркуль.

Тишина в лаборатории стала звенящей. Только дождь стучал по стеклу, отбивая тревожный ритм.

— Монограмма? — тихо спросил Саймон.

— «V. R.», — кивнул детектив. — Под крыльями птицы. Буквы длиной в два дюйма. Кровь еще не свернулась в желобках ожога. Убийца ушел по водостокам буквально перед носом обходчиков.

Грейсон молча снял рабочий халат и надел плотный тви-

довый пиджак. Подошел к шкафу, достал свой большой дорожный саквояж и начал методично, с выверенной годами точностью укладывать инструменты: магниевую вспышку для фотографирования во тьме, банки с гипсом для снятия слепков, набор стеклянных капилляров, анатомические щипцы и плоские деревянные планшеты для сбора пыли.

— Личность убитого установили? — спросил он, защелкивая латунные замки саквояжа.

— Никаких документов. В карманах балахона — пусто. Только на шее серебряная цепочка с крошечным ключом необычной формы: бородка ключа выполнена в виде треугольника с глазом внутри. И еще кое-что, Саймон...

Маккалин достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо влажный листок плотной бумаги, обернутый в промасленный шелк:

— Это торчало у него изо рта. Свернуто в тугую трубочку, залито тем самым черным воском. Я не стал вскрывать печать без тебя.

Саймон бережно взял сверток. Сквозь матовый восковой кругляш отчетливо проступал знакомый до дрожи рельефный силуэт хищной птицы.

— Они не просто убили его, Джон, — медленно произнес Грейсон, надевая тяжелое шерстяное пальто и беря в руку трость. — Это казнь. Ритуальная казнь предателя или того, кто посмел заговорить. Черный орден замечает следы после нашего рейда в доках Сент-Кэтрин.

Саймон повернулся к зеркалу, поправил узел шерстяного шарфа и посмотрел на свое отражение холодным, решительным взглядом:

— Поехали, инспектор. Пора спуститься под землю и посмотреть, какие тени прячутся под сточным илом Блэкфрайарс.

ГЛАВА 2. ШЕПОТ ПОД МОСТОВОЙ

Экипаж остановился у временной дощатой ограды близ набережной Виктории, где в сырую ночную тьму уходили чугунные решетки строящейся линии подземной дороги.

Воздух здесь был напоен запахом сырой глины, угольной гари паровых землечерпалок и застоявшейся воды Темзы. Двое констеблей в клеенчатых пелеринах, озябшие и переминавшиеся с ноги на ногу, встретили инспектора отданием чести и торопливо распахнули калитку в дощатом заборе.

— Дорогу держите по шпалам, сэр, — хрипло предупредил старший, поднимая карбидный фонарь. — Через двести ярдов в тоннеле будет вывал старой монастырской стены. Там выставлен караул. Внутрь никого не пускали, только санитары Ярда ждут приказа забрать тело.

Саймон поправил воротник пальто, крепче перехватил саквояж и первым шагнул на скользкие деревянные мостки, ведущие в черную пасть тоннеля.

Спуск под землю казался погружением в преисподнюю. Гул лондонских улиц затих, сменившись утробным эхом падающих капель и глухим шуршанием крыс, разбегавшихся

из-под ног. В свете фонарей Маккалина влажные кирпичные стены отливали маслянистым блеском. Вскоре современная кирпичная кладка туннеля оборвалась: перед ними зиял неровный разлом, за которым открывалось совершенно иное пространство — циклопические своды из грубого кентского ракушечника, сложенные еще во времена Эдуарда I.

Это были нижние крипты Доминиканского монастыря Блэкфрайарс — «черных братьев», погребенные под мостовыми Сити после Великого пожара 1666 года.

— Осторожно под ноги, Саймон, — бросил Маккалин, освещая дорогу. — Здесь вековой ил вперемешку с грунтовыми водами.

В центре подземного зала, уходящего во тьму стрельчатыми арками, на невысоком каменном возвышении стояли двое вооруженных сержантов с карабинами. Между ними лежал массивный известняковый блок, когда-то служивший основанием монастырского надгробия.

На камне покоилось тело.

Саймон подошел вплотную и остановился. Свет фонарей выхватил из мрака жуткую, застывшую сцену.

Мужчина лет сорока, плотного сложения, лежал на спине с раскинутыми руками. Его запястья были прибиты к поверхности древней плиты массивными четырехгранными бронзовыми гвоздями — старинными, тронутыми зеленоватой патиной церковных креплений. Кровь из ран уже запеклась темными, почти черными ручьями, стекавшими в желобки средневекового орнамента. На покойном было глухое одеяние из тяжелого черного шелка без пуговиц и петель, разрезанное на груди.

Прямо на обнаженной белой коже в области сердца чернел глубокий ожог — обугленный контур ворона, сжимающего в лапах циркуль, и выжженные литеры «V. R.». Ожог был выполнен так точно, словно клеймо прижимали твердой, не знающей дрожи рукой через металлический трафарет.

— Никаких признаков агонии, — первым нарушил молчание Грейсон. Его голос прозвучал неестественно сухо и спокойно среди сырого склепа.

Саймон опустился на колени, поставил рядом саквояж и достал увеличительное стекло.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Маккалин, вглядываясь в искаженное, но странно умиротворенное лицо убитого.

— Взгляните на пальцы, Джон. Они расслаблены. Если бы гвозди вбивали в живого человека, сухожилия неминуемо бы сократились, согнув кисть в судорожный спазм, а связки были бы разорваны в попытке вырваться. Его пригвоздили уже мертвым. Либо... в состоянии глубочайшего паралича или комы.

Грейсон аккуратно приподнял веко покойного:

— Зрачки максимально расширены, роговица чистая. Нашее справа — след от внутримышечной инъекции. Снова алкалоиды. Тот же ядовитый почерк, что и у Томаса Грина на Монетном дворе, но в куда большей дозе.

Саймон перевел лупу на одежду убитого.

— Шелковое облачение пошито вручную. Ни единой фабричной бирки. Но обратите внимание на ткань: это плотный итальянский шёлк «оттоман», который стоит не меньше гиней за ярд. Наш мертвец не был оборванцем с доков.

Грейсон достал тонкий пинцет и бережно провел им по складкам балахона в районе плеч и ворота. Тонкий волосок и щепотка темной пыли отправились в стеклянную пробирку.

— А теперь — руки, — Саймон взял правую ладонь мужчины, осторожно обходя торчащий из камня бронзовый

гвоздь. — Подушечки пальцев. Никаких следов физического труда. Кожа мягкая, ухоженная. Но на указательном и среднем пальцах правой руки — характерная мозоль от долгого держания стального чертежного рейсфедера или гравировальной иглы. А вот здесь...

Саймон поднес фонарь вплотную к ногтям убитого. Под ногтевыми пластинами забился мельчайший порошок бирюзового цвета.

— Ультрамарин. Натуральный ляпис-лазурь высшей очистки, — констатировал эксперт. — Его используют художники-реставраторы для восстановления средневековых иллюминированных рукописей.

Маккалин сжал кулаки:

— Реставратор? Ученый? Человек из высшего общества?

— Вполне возможно, архивариус или хранитель музейных фондов, — Саймон выпрямился и оглядел пол вокруг алтаря.

Известняковые плиты пола вокруг каменного блока были покрыты вековым слоем влажного ила и пыли. И этот слой хранил четкую летопись последних часов.

Грейсон достал из саквояжа коробок с магниевой лентой, вставил металлическую полосу в отражатель портативной камеры и поднес спичку.

Вспышка!

Ослепительно белый, inferнальный свет на долю секунды озарил своды древнего склепа, выхватив из тьмы готические колонны и паутину. Резкий дымок магния потянулся к сводам.

— Смотрите сюда, Джон, — Саймон указал тростью на пол позади алтаря.

В сырой грязи отчетливо отпечатались следы. Одни — широкие, глубокие, с тяжелым полукруглым каблуком армейского образца.

— Это следы того, кто тащил тело, — заметил Маккалин. — Человек весом не меньше двухсот фунтов, слегка прихрамывает на левую ногу.

— А вот вторые следы куда интереснее, — тихо проговорил Грейсон, наклоняясь ниже. — Узкий, изящный носок модельного сапога из тонкой шевровой кожи. Шаг короткий, размеренный, без малейшей суеты. Тот, кто жег клеймо, сто-

ял прямо здесь. И перед уходом он совершил странное действие.

Саймон указал на небольшой круглый след прямо на плите алтаря у изголовья убитого:

— Здесь стоял тяжелый стеклянный или металлический сосуд. А вокруг... видите этот белесый налет?

Грейсон коснулся пальцем сухого порошка, рассыпанного вокруг круга, и потер между подушечками перчаток:

— Сера, сулема и порошок толченого речного жемчуга. Триада очищения в алхимических трактатах шестнадцатого века. Это не просто месть предателю, Джон. Это сакральное жертвоприношение. Они очищали пространство перед тем, как запечатать рот убитого.

Маккалин достал из кармана тот самый восковой сверток, найденный во рту покойника:

— Пришло время открыть его, Саймон.

Грейсон взял сверток, подошел к свету карбидной лампы и достал из чехла тонкий хирургический скальпель. Аккуратно, стараясь не раскрошить старинный воск с вороном, он надрезал промасленный шелк вдоль шва.

Внутри лежал свернутый в плотную трубочку обрывок

тончайшего пергамента. Не современной бумаги, а именно натурального телячьего веленя, какие использовали в монастырских скрипториях четыре сотни лет назад.

Саймон развернул листок. На пожелтевшей коже темными железо-галловыми чернилами в четыре ровных столбца были выведены ряды цифр и латинских литер, перемежающихся алхимическими символами Меркурия, Луны и перевернутого треугольника:

71. 14. 88. 03 — [МЕРКУРИЙ] — IX. Lib. III

112. 09. 44. 17 — [Луна] — XII. Fol. VII

405. 81. 02. 60 — [Огонь] — I. Cap. V

— Шифр, — глухо выдохнул Маккалин. — Саймон, ты сможешь это прочесть?

Грейсон медленно поднял глаза от пергамента. Его лицо в зеленоватом свете подземного склепа казалось высеченным из гранита:

— Смогу, Джон. Потому что этот ключ указывает на конкретную книгу. «Lib. III» — третья книга. «Fol. VII» — седьмой фолиант. Это шифр книжного кода. И книга, служащая ключом, хранится в единственном месте Лондона, куда вход открыт лишь десяти людям в мире.

— Где? — с замиранием сердца спросил инспектор.

— В закрытой королевской секции библиотеки Британского музея. И судя по ультрамарину под ногтями несчастного... перед нами лежит ее главный хранитель, доктор Джулиан Мортимер, пропавший три дня назад.

Грейсон бережно убрал пергамент в металлический футляр:

— Орден выведал у него код доступа к королевским рукописям. А затем убил. Мы должны быть в музее до того, как его двери откроются для публики.

ГЛАВА 3. ШИФР ИЛЛЮМИНАТОВ

К пяти часам утра сырой туман над Блумсбери сгустился до состояния мыльной пены. Монументальная колоннада Британского музея тонула во тьме, напоминая остов античного храма, выброшенного бурей на берега Темзы.

В лаборатории на Флит-стрит, куда сыщики заехали всего на сорок минут сменить промокшую одежду и подготовить реактивы, работа шла полным ходом. Джон Маккалин торопливо наполнял патронами барабан запасного револьвера, то и дело поглядывая на Саймона.

Грейсон сидел за столом, склонившись над пергаментом из склепа.

На белом листе бумаги перед экспертом уже лежала сетка дешифровальной таблицы. Рядом высилась стопка старинных каталогов: реестры книжных поступлений Британского музея за последние полвека, составленные еще при легендарном главном библиотекаре Антонио Паницци.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.